

Советская Латвия
г. Рига

73 ОКТ 1986

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

Откровенный диалог

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Эта встреча была намечена в связи с конкретным событием. Известный советский драматург Виктор Сергеевич Розов приехал в Ригу на премьеру своей пьесы «У моря», которую поставил театр русской драмы. Но беседа наша вышла далеко за рамки первоначальной темы обсуждения. Началось для меня с неприятного.

— Я смотрел вчера вашу газету, и не только вашу, — сказал Виктор Сергеевич. — Не понимаю, почему сейчас, когда дано такое пространство для обозрения жизни, журналисты теряются. Жмутся, так сказать, к старым ориентирам. Неужели простор их пугает? Даже в таких авторитетных телевизионных программах, как «Время», «Сегодня в мире», нет-нет, да и скатятся к проторенной колее. Журналисты «зациклились» в манере подачи материала, в выборе темы. Досадно и просто скучно в конце концов.

Мои ощущения, думаю, читателю понятны, как и то, почему поспешила спросить: «Расскажите, пожалуйста, о судьбе своей новой пьесы».

— Она написана четыре с половиной года назад. По непонятным мне причинам различные инстанции задерживали ее, не давали «путевку» на сцену. Правда, тогдашний министр культуры был, как говорится, за пьесу. И предложил мне отдать ее в какой-нибудь хороший, но не столичный театр. Я выбрал Рижский театр русской драмы. Однако и здесь дело застопорилось. Но тут пришло новое время. И пьеса увидела свет рампы. Теперь ее репетируют уже два московских коллектива — Театр имени Е. Вахтангова и Центральный детский театр.

Комментарий для читателя. Пьеса «У моря» написана по следам шумевшего судебного процесса по делу одного председателя горисполкома.

— Хотя, знаете, — продолжал Розов, — подобные сложности в общем-то бывают часто на творческом пути, и не у меня одного. Только я старался никогда их не драматизировать. Правда, в этом конкретном случае проблему явно разрешило время. Полилась вода на мою мельницу, совсем, правда, маленькую, меньше кофейной.

Нет, подумала я, ваша мельница, Виктор Сергеевич, совсем не такая крохотная, как вы здесь из скромности шутите. Ваши пьесы не плелись в хвосте проблем, волновавших общество. Наоборот, вбирали в себя и «перемалывали» многое, что тревожило людей, и при этом здоровое зерно всегда четко отделялось от плевел. «Вечно живые», «В добрый час», «В поисках радости», «Традиционный сбор», «Гнездо глухаря» — сколько в них боли от понимания того, что шел натиск мещанства, меркантилизма, дельчества и лживости. И в то же время такая убежденная вера в честного человека. А вот сегодня в чем видится драматургу наиболее важная тема для его творчества?

— Пока я не могу разобратся во времени. Во-первых, думаю, что высказывать свои убеждения вполне свободно — еще не всегда удобно. То ли держит инерция страха, то ли непонятно, где эта правда находится. Во-вторых, у нас выработались традиции, своего рода этикет, который меня беспокоит. Нередко еще на собраниях голосуют единогласно. И как часто в этом единогласии сокрыта заведомая ложь. Жизнь многогранна. И полное познание жизни, того или иного явления, предмета возможно лишь при исследовании всех граней. Вот возьмем совсем бытовой пример. На базаре продают мясо, и оно лежит на прилавке обязательно выгодной стороной для продавца. Но хозяйка, прежде чем купить, непременно перевернет приглянувшийся ей кусок, потыкает вилкой со всех сторон. Так и при обсуждении важной проблемы. Надо с хозяйской пристрастностью каждому, именно каждому «потыкать» ее со всех сторон. Но, разумеется, требуется мужество для того, чтобы говорить о явлении так, как ты его видишь. Однако все то, о чем

здесь рассуждал, не является для меня главным предметом тревоги. Это скорее из области пожеланий. А вот что действительно очень волнует — мое профессиональное состояние. Понимаете, именно сейчас мне не очень хорошо работается, так сказать, буксую. И вот почему: я ощущаю некоторое бессилие. Все вокруг говорит: новое, новое; и, действительно, одни прилагают грандиозные усилия во имя этого нового. Однако стоит только отвести взгляд от этих одних и оглянуться вокруг на повседневную жизнь — вижу, что все остается по-старому. И я, как художник, не могу понять, каким криком надо кричать, чтобы помочь идее перестройки. Кроме того, меня страшно огорчает, когда сплошь и рядом убеждаюсь в том, что очень многие люди, непорядочные, бесчестные, сумели моментально «перестроиться». Просто поразительно, как многие, подчеркиваю, не единицы, способны у нас на метаморфозу в любой ситуации. Наблюдая это, опускаются руки. Разумеется, я понимаю, что процесс изменения нашей жизни будет постепенным. Волшебной палочки нет ни у кого в руках. Да, найти бы хоть волшебное слово искусства...

Виктор Сергеевич, а героя, которому вы, как человек, доверились бы, почувствовали бы, что он может вести за собой, такого героя видите?

— Нет, не вижу. Безусловно, людей порядочных немало. Но этого недостаточно. А вот такого, о котором вы спрашиваете, не вижу, не чувствую. И вообще проблема положительного героя сегодня должна решаться очень честно. У нас слишком долго призывали к созданию образа идеального человека. Но ведь это — отрыв от жизни. Стерильной нравственности не бывает. Человек, даже очень хороший, сложен, противоречив. И ориентиры на идеальность рожают в духовных людях только мучения, потому что желаемое нереально, невозможно. Верно говорил устами своего героя И. Гончаров: «Мы не звери и не ангелы!»

Виктор Сергеевич, сейчас в центре внимания всей читающей публики — роман Ч. Айтматова «Плаха». Что вы можете сказать о замысле автора дать нам нового идеального героя в лице Авдия Каллистратова?

— Сначала о самом произведении. Роман чрезвычайно интересный, но нервный. С моей точки зрения, а исхожу я из своего литературного, эстетического опыта, есть просто скучные места, некоторые позиции не ясны. Но Чингиз Айтматов относится к художникам, которые продумывают все до конца и очень глубоко. Поэтому хочу подчеркнуть, что я читал роман только один раз, и, возможно, после вторичного ознакомления мое мнение будет иным.

Теперь об Авдии. Мне показалось, что Авдий — нехороший человек. И вот почему: он втирается в компанию добытчиков анаши, прикидываясь своим парнем, их «корешком». По сути он играет роль подсадной утки. Я такой метод не принимаю, считая его однозначно безнравственным. Но, повторяю, должен еще раз вчитаться. Возможно, что у автора есть ход, мною не уловленный, который целиком и полностью позволяет воспринимать эту фигуру чистой.

Далее. Мне кажется, что некоторое христообразие Авдия бесплотно. Если сцены гонимых сайгаков, вся линия истории волков, образы различного рода подонков выплывают с огромной художественной мощью, говорят о том, что Айтматов живописец большого масштаба, то новоявленный Христосик представляется грубо говоря, выдуманным. Хотя идея, заложенная в этом образе, мне очень по душе.

Разговор о проблеме героя натолкнул меня на мысль спро-

сить драматурга о центральном персонаже его пьесы «У моря». Это семнадцатилетний юноша Алексей, сын того самого осужденного начальника. И у меня по первому впечатлению от спектакля возникло сомнение, верно ли, что умный, духовный и, главное, уже взрослый Алексей прозрел и осознал поступки отца, только когда пришло юридическое возмездие.

— Вы знаете, — сказал Розов, — бывает, что и позднее прозревают. Это странный закон психологии: обрушивается беда, и люди многое переосмысливают. Причем в это время человек, как правило, взрослеет, мужает или, что случается реже, ломается. По-моему, Рижский театр русской драмы сумел очень многое точно передать в характере Алексея, других героев. Вообще спектакль получился более драматичен, чем я предполагал. И актеры хорошо играют. Кстати, мне кажется, что в этом коллективе нет проблемы с молодыми исполнителями, в отличие, например, от театров Москвы. Кроме того, хочу отметить, что на протяжении ряда лет я следил за искусством Рижского театра русской драмы, и, по-моему, коллектив находится в хорошей творческой форме. В этот раз помимо своей пьесы посмотрел спектакль «Анна Снегина». И хотя постановка не новая, а играли, как на премьеры.

Если речь зашла о жизни театра, что вы скажете насчет готовящегося в стране театрального эксперимента?

— К этому эксперименту я отношусь сложно. Есть в нем интересные, хорошие моменты, но есть и такие, которые тревожат. Больше всего боюсь, что пострадают невинные актеры. Ведь многих из них смогут держать в страхе, что вот-вот уволят, или того хуже — действительно уволят. Это очень унижающее состояние. Кроме того, режиссеры, возглавляющие театры, не равноценны и в нравственном, и в творческом смысле. И как поведет себя каждый в период эксперимента — предсказать трудно.

К тому же предполагаемая свобода театра — это мнимая свобода. Да, расширяются права. Можно, например, самим выбирать пьесу, но ее надо утверждать в министерстве. Так что полного доверия нет. Хотя, с другой стороны, так было всегда. Раньше, например, в пору антреприз все находилось в руках антрепренера. Теперь в этой роли — министерство культуры. В общем, меня волнует нравственная сторона эксперимента, как бы он не нанес вреда, — закончил Виктор Сергеевич, человек, который всегда и во всем, как на фронте, куда пошел добровольцем, так и в последующей творческой работе, верен принципам чести и совестливости.

На этом время беседы подошло к концу. И, прощаясь, я не удержалась и высказала то, что преследовало меня на протяжении всего разговора. «Виктор Сергеевич, а знаете, вы похожи на ученого Ниточкина из фильма «Твой современник». Розов очень удивился. «Да, да, — продолжала я, — во-первых, улавливается даже внешнее сходство с актером Плотниковым, игравшим этого героя. А во-вторых, вы мне показались таким и по сути. Та же смесь серьезности и мальчишества, та же интеллигентная ершистость, и, главное, судя по вашему творчеству, та же природная честность. Наверное, поэтому вы тот писатель, которому веришь».

Что оставалось делать Розову, как не рассмеяться. Но я его «добила»: — Вы знакомы с Габриловичем? (сценарист фильма «Твой современник»). «Я живу с ним в одном доме», — ответил Виктор Сергеевич. «Ну, тогда мне совершенно ясно, что образ Ниточкина он во многом списал с вас». И тут мы уже оба рассмеялись.

М. СВАРИНСКАЯ.